

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
326

*Дизайн обложки и макет издания Дмитрия Агапонова
Иллюстрации Аси Маракулиной
Предисловие Дмитрия Быкова*

Замятин, Евгений Иванович
326 Мы / Евгений Замятин; предисл. Д. Быкова. – Москва : Издательство АСТ, 2020. – 256 с. ; ил. – (Коллекционная книга).

ISBN 978-5-17-127404-7

«Мы» – знаковый роман Евгения Замятина, с которого официально отсчитывается само существование жанра «антиутопия». Запрещенный в советский период, теперь он считается одним из культовых произведений не только русской, но и мировой литературы XX века.

Роман этот об «обществе равных», в котором человеческая личность сведена к «номеру». В нем унифицировано все – одежда и квартиры, мысли и чувства. Нет ни семьи, ни прочных привязанностей... Об этом хорошо сказал Дмитрий Быков: «Автор очень точно и убедительно описал утопию разума, замкнутого в самом себе, обреченного на одиночество, лишённого контакта с внешним миром. По мысли Замятина, главная трагедия в том, что человек может победить в себе зверя, уйти в чистое царство рациональности, которое окажется губительно для человечества».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127404-7

© Д.Л.Быков, 2020
© А. Маракулина, 2020
© Издательство АСТ, 2020

Евгений ЗАМЯТИН

МЫ

Издательство АСТ
Москва

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы и Они

Нам предстоит очень трудный разговор, потому что и судьба этой книги трудна, и смысл ее парадоксален, и суть самого замятинского предсказания, в общем, совсем не совпадает с тем будущим, которое разразилось в России. Но это показательная история, потому что большинство утопий и антиутопий начала XX века при всей точности угаданного вектора, при всем страхе перед тоталитаризмом, который объединяет всех, попали в молоко. Замятинский роман, который очень многое угадал точно, стал культовым на Западе, достаточно популярным в России, но все-таки промахнулся мимо главной мишени. Почему это произошло, мы и попробуем разобраться.

Пара слов о Евгении Ивановиче Замятине, который, так уж случилось, является какой-то странной копией, странным двойником Булгакова. Они и родились почти одновременно, и умерли в один день, правда, с небольшим интервалом в два года, и удивительным образом сходны в этапах своего развития. В свое время Корней Иванович Чуковский, человек, может быть, слишком откровенный, в письме Алексею Николаевичу Толстому писал (Толстой был тогда за границей): «Ну да, в России есть Замятин, но ведь это такой благообразный джентльмен, такой приличный человек, которому никогда ничего не будет». Алексей Николаевич Толстой, человек вообще неотягощенный моральными

правилами, возьми да и напечатай это письмо в газете «Накануне». Замятин, с которым Чуковскому пришлось очень тяжело выяснять отношения, написал довольно показательное письмо. В нем он сказал: «Я обижаюсь не на то, что вы за глаза обо мне отозвались, не за то, что общаетесь со мной, а про меня пишете дурное. Нет, это все меня не обижает. Меня обижает то, что вы не увидели во мне главного: я и есть главный еретик, я и есть человек, стоящий под ударом. А вам я кажусь благополучным, замкнутым образцовым англичанином».

И действительно, Замятин всем казался англичанином. И его вечная, знаменитая ироническая полуулыбочка, о которой вспоминает Юрий Анненков, его трубочка, его розовый цвет лица, сдержанность, спокойные остроты — всё это заставляло думать, что он неуязвимый человек. А между тем какие бури клокотали под этой оболочкой, мы можем догадываться только по очень немногим его публицистическим выступлениям да по страшной революции языка, которую он произвел, по языку кричащему, вздыбленному, пожалуй, даже еще более экспрессивному, чем у Ремизова, другого великого прозаика той же эпохи. Весьма любопытно, что Солженицын, говоря об источниках своего стиля, в числе своих главных литературных учителей называл Замятину и Цветаеву. Замятин, пожалуй, с его сквозными тире, с его лаконизмом, тоже взрывчатым, с его невероятной концентрацией смысла, очень сильно помог Солженицыну, особенно в «ГУЛАГе».

Роман Замятина «Мы» — центральное, безусловно, его произведение, в России при жизни автора так и не было напечатано. Оно появилось за рубежом на английском, затем на чешском, а потом и на других языках. Это роман, который отражает его опасения 1920 года. Роман очень тесно привязан к этому году. Вообще надо заметить, что-то время было, как ни странно, расцветом фантастики (хотя что здесь странного?). И самый убедительный портрет Ленина, который содержится в «Гиперboloиде инженера Гарина», о нем мы еще будем говорить, и самая интересная картина будущих войн, намеченная у Шкловского и Иванова, намеченная в совместном романе «Иприт», и удивительные приключения космической науки в романах Александра Беляева — все это понятно. Возник новый футуристический проект, естественно, что гадания о будущем становятся главными занятиями не только в России, но также в Англии, и Америке.

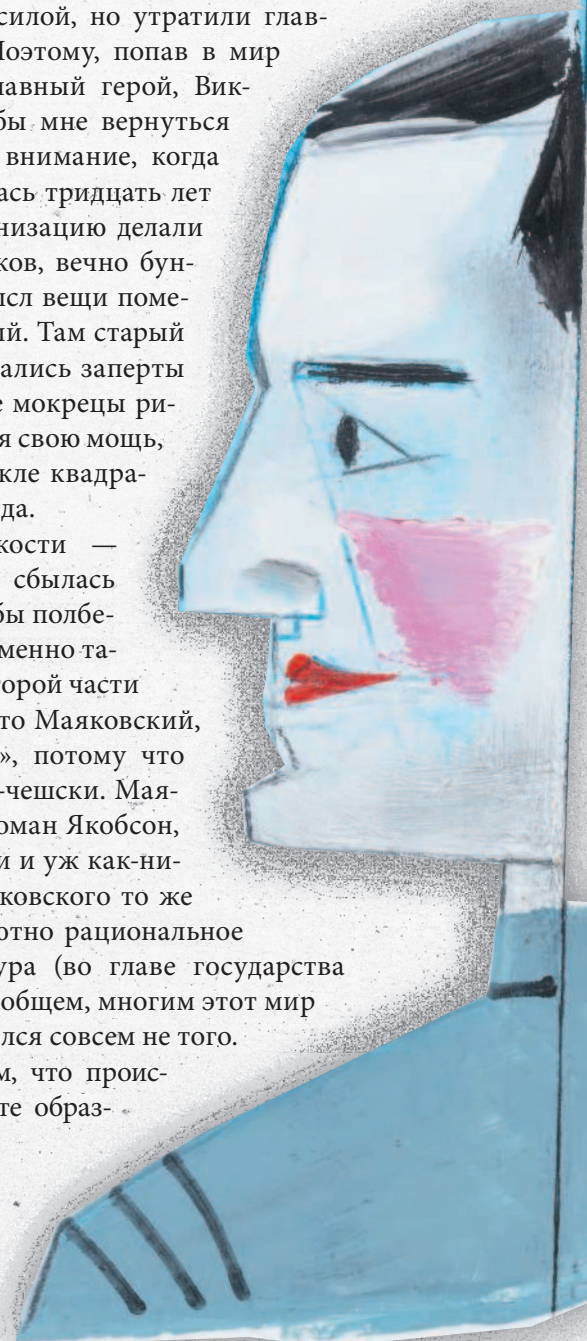
Очень интересно, что в это же время уэллсовские пророчества начинают осмысляться по-новому, и главное из них — это всё не социальная фантастика Уэллса, не «Машина времени» с делением мира на элоев и морлоков, а прежде всего страшное пророчество в «Острове доктора Моро», история о том, как зверей заставили быть людьми. По большому счету, роман Замятина, англомана, долгие годы жившего в Англии, работавшего там инженером, — это диалог с Уэллсом, потому что, по мысли Уэллса, зверь в человеке непобедим, и в этом заключается главная трагедия. А по мысли Замятина, главная трагедия как раз в том, что человек может победить в себе зверя, уйти в чистое царство рациональности, которое окажется губительно для человечества.

Об этом роман, в этом главная проблема и главная причина того, что он не сбывлся. Вот здесь я вынужден сказать страшную вещь, очень печальную: большинство антиутопий XX века предупреждали о царстве ума, рациональности, о разуме, который отвергнет человеческое, гуманное и по-

бедит. Самая наглядная такая антиутопия — это, конечно, «Гадкие лебеди» Стругацких, история о том, как эволюционно скакнувшие люди нового типа — мокрецы овладели невероятными технологиями и силой, но утратили главное — иронию и милосердие. Поэтому, попав в мир этих могущественных людей, главный герой, Виктор Банев, думает: «Не забыть бы мне вернуться в человеческий мир». Обратите внимание, когда картина «Гадкие лебеди» снималась тридцать лет спустя после романа, когда экранизацию делали Лопушанский и сценарист Рыбаков, вечно бунтующий ученик Стругацких, смысл вещи поменялся на прямо противоположный. Там старый мир победил мокрецов, они оказались заперты в психиатрическую больницу. Не мокрецы рисуют в небе квадрат, демонстрируя свою мощь, а девочка рисует на оконном стекле квадратик, сквозь который смотрит звезда.

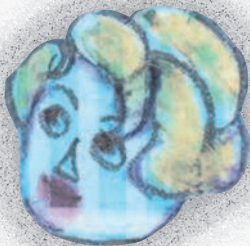
Победа торжествующей дикости — главный итог XX века. Если бы сбывлась антиутопия Замятина, это было бы полбеды, это было бы даже счастьем. Именно такой мир рисует Маяковский во второй части «Клопа», это тем удивительнее, что Маяковский, конечно, не читал романа «Мы», потому что не читал ни по-английски, ни по-чешски. Маяковскому эту книгу пересказал Роман Якобсон, который жил в это время в Чехии и уж как-нибудь по-чешски понимал. У Маяковского то же самое: прозрачные стены, абсолютно рациональное мироустройство, благая диктатура (во главе государства у Замятина стоит Благодетель). В общем, многим этот мир представлялся раем. Замятин боялся совсем не того.

В общих чертах напомним вам, что происходит в романе «Мы». Представьте образ-

цовое тоталитарное государство, построенное на абсолютном разуме и логике. Это немножко напоминает, кстати, фантастику Ивана Ефремова, в особенности «Туманность Андромеды», там тоже мир, построенный на разуме и навязчивом, несколько тоталитарном добре. вспомните, что в мире Ефремова тоже всем управляет мировой суд, мировой процесс. У Замятина всем управляет Часовая Скрижаль, строжайший распорядок дня, есть Благодетель и Машина Благодетеля, такой инструмент казни, который человека распыляет, превращает его в лужу химически чистой воды. Главное занятие — наука, люди строят ИНТЕГРАЛ, космический аппарат для полета на другие планеты. Иногда у них есть час или два на занятие любовью, на это время можно опустить занавески, все остальное время мир тотально прозрачен. Всегда есть один постоянный партнер, которого вам тоже назначают. Вы можете его выбрать, но, разумеется, с верховного одобрения. На общение с этим Номером выдаются розовые билеты. Что касается номеров, все граждане Единого Государства их имеют, имена упразднены. Номер — это гораздо рациональнее. В этом смысле, кстати говоря, Замятин предугадал появление знаменитого солженицынского «Щ-851», как сначала назывался «Один день Ивана Денисовича», предсказал номерную систему лагерей, вытатуированные номера в Заксенхаузене и так далее.

Но, конечно, Замятин не имеет в виду, что этот мир похож на концлагерь. Это очень комфортный мир, вот что главное, мир очень управляемый, и в этом смысле Замятин как раз совпадает с большинством западных антиутопий, например, с «О дивный новый мир» Хаксли. Эти книги всегда издавали под одной обложкой во время перестройки. В этом мире, в сущности, нет проблем. Проблема там одна —

отсутствие свободной воли, которая заменена коллективным рацио. Нет больше индивидуальности, есть одно великое «мы». Не случайно в своих записках, из которых и состоит роман, главный герой Д-503 говорит: «МЫ» — от Бога, а «Я» — от дьявола». Очень распространенный тоталитарный подход.

Плюс ко всему в этом романе есть еще одна достаточно существенная деталь: мир огорожен Великой Стеной. Это нормальное условие всякого тоталитарного сообщества, за этой стеной живут дикие. Кто такие дикие, в общем, не очень понятно. Во всяком случае, тут тоже прослеживается уэллсовское разделение на элоев и морлоков. Весь мир поделился, в большинстве антитоталитарных книг всегда указывалось, — это очень тонкая интуиция, очень глубокая, — что развитие человечества пойдет не единым потоком, а по рогатке двух вероятностей. Это довольно точно почувствовали Стругацкие в свое время в «Волны гасят ветер», это наблюдаем мы сегодня, когда эволюционное разделение стало просто очевидным. Мы пытаемся договориться в рамках одной цивилизационной парадигмы, но уже понятно, что договориться не можем. Конечно, любой разговор об этом разделении тут же встречает упреки в фашизме: вы одних считаете недочеловеками, а других — людьми. Ничего подобного! В конце концов, то, что в мире существуют разные национальности и расы, почему-то никого не оскорбляет. Здесь, видимо, пойдет некое эволюционное разделение.

По Замятину, это эволюционное разделение идет так. Есть люди, у которых, как говорит главная героиня, «солнечная кровь». Эта солнечная, густая, лесная, звериная кровь заставляет этих бородатых гигантов быть независимыми. Они живут в своих лесах, окружающих уникальный город,

где-то отдельно, здесь тоже предугаданы Стругацкие с разделением на лес и институт, на дикую жизнь и жизнь заумно-выморочную, очень точная догадка. Они не пытаются проникнуть в город, они сопротивляются колонизации. Между ними существует даже не вражда, а бесконечное отчуждение.

А дальше развивается типичная любовная история, типичная потому, что в большинстве антиутопий любовь и является той силой, которая ломает стены и порядок. Вместо того чтобы любить свою тихую О-90, главный герой встречает женщину I. Не случайно это I, потому что вся она тонкая и стройная, как I, лицо у нее «иксом», потому что брови сходятся к переносице, а углы рта опущены, в результате все лицо как бы перечеркнуто. Между ними начинается страстная любовь, потом выясняется, что она не любит этого Д, конечно. Она его соблазняет. Он — один из строителей ИНТЕГРАЛА, и ее задача вместе с лесными людьми, с которыми она находится в контакте, разрушить Стену, направив на нее ИНТЕГРАЛ.

Им действительно удается разрушить Стену, люди начинают лихорадочно совокупляться, это первое, что они делают. В Городе появляются птицы, что самое поразительное, до этого их не было, он был огорожен куполом. В Город врывается дикая жизнь, но потом распорядок берет свое, начинается строительство электроволновой стены, как рисуется инженеру Замятину, — построить стену из волн. А дальше казнят, естественно, I, а над Д-503 производят мучительную операцию: ему ампутируют душу, и он уже без этой случайно отросшей души опять становится абсолютно прежним и радостно пишет: «Мы победим.

Потому что разум должен победить».

Роман «Мы» сюжетно очень наивная книжка. Дело в том, что Замятин, как и Булгаков, в рассказах сильнее, чем в романах. Романы у него всегда либо очень предсказуемые, либо немного дурновкусные. Лучший его роман «Бич Божий» про Аттилу, о судьбах Европы, о прафашизме, как он его понимал, остался неоконченным. Он написал первый том, и надо сказать, очень неплохой. Но в принципе Замятин не романист. Он замечательный новеллист. Такая его новелла, как «Пещера» или «Наводнение», — на мой взгляд, его лучший рассказ, действительно одна из самых страшных, криминальных, кровавых и при этом тонко написанных историй в русской литературе, замечательный рассказ о любви, ревности, убийстве, или замечательная маленькая повесть «На куличках» — все это, безусловно, шедевры.

Что касается «Мы», то в этой книге ощущается ужасное скрещение, несовпадение. Это очень хорошо написанный, очень ярко придуманный мир, в котором происходит древнейший наивный и, в общем, абсолютно ходульный сюжет. По большому счету сюжет этот неважен, хотя он потом повторился у Оруэлла. Он, безусловно, знал Замятина, и любовь, взрывающая тоталитарный социум, и конечное поражение этой любви — все у него расписано. Проблема-то в другом. Замятин очень точно, очень убедительно описал утопию разума, замкнутого в самом себе, обреченного на одиночество, лишённого контакта с внешним миром. Но трагедия на самом деле произошла совсем от другого, и это показано в картине Лопушанского «Гадкие лебеди»: от того, что разум лишился всех своих прав, от того, что восторжествовала дикость, был взят курс на упразднение

прав и системы. Будущее выглядело не таким стерильным, как оно рисовалось Маяковскому, не таким экономным и стремительным, как оно рисовалось Замятину в записках Д-503. Экономная фаза будущего, все конспективно, все разумно — это все не сбылось, хотя этого больше всего боялись.

Сбылось другое: триумф диких лесных людей, которые по-настоящему захватили власть и были объявлены подлинными гражданами. Чем «дичее», тем лучше. Курс на дикость, установка на грубость, примитив, на животное, толпу — этот инстинкт победил. Страшно себе представить, хотя очень хорошо было бы, конечно, представить какого-нибудь автора, который бы написал «Они», условно говоря, своеобразное «Анти-Мы», утопию о жизни лесных людей. Этой утопией оказался тоталитаризм, потому что лесные люди, когда захватывают власть, гораздо более жестоки, нерациональны, пыточны и страшны, чем люди разума. Да, светлое, стерильное будущее, которое пытались, как кажется Замятину, построить большевики, рациональное будущее, в котором нет места душе, наверно, весьма опасно. Но нельзя сказать, что в мире лесных людей тоже есть место душе.

А I, которая воспользовалась своим несчастным любовником, чтобы захватить ИНТЕГРАЛ, — это сильно духовное существо, может быть? Замятин сам прекрасно понимает, что от нее исходит тонкий яд, и то, как она героически выдерживает пытку под колоколом, когда из-под нее откачивают воздух, не делает ее ближе или милее. Да, это мужественное существо, замечательная героическая женщина, но на самом деле это женщина, для которой нет ничего святого, которая воспользовалась влюбленностью наивного дурака, почуяв в нем какую-то каплю солнечной крови. У него очень волоса-

тые руки, от чего он жестоко страдает. Она воспользовалась им с цинизмом, который достоин Благодетеля. В этом и весь ужас. Конечно, утопия разума — это вред, но утопия без разума не альтернатива. Главный страх Замятина перед дисциплиной, нормой, триумфом расчета прошел, к сожалению, мимо денег.

Интересно, что Замятин в последние свои годы, уже уехав в Париж, но сохраняя советское гражданство, даже присутствуя на советских конгрессах и вступив в Союз писателей, ничего не писал, кроме «Аттилы». Связано это было, наверно, отчасти с тем, что свои корни он утратил, жил в языковой стихии, язык чувствовал как никто. Достаточно прочесть «Блоху», его гениальную переделку Лескова, чтобы понять, как он чувствовал стихию языка. Вообще Замятин — невероятно русское явление сочетания русского таланта, русской шири с русской же великолепной самодисциплиной. Он, конечно, менее англичанин, чем классический среднерусский инженер-самоучка. Он ничего не писал, потому что утратил связь со средой, но еще и потому, что мир, с которым он столкнулся, был для него совершенно незнакомым и непредсказуемым.

Фашизм, который стал главной опасностью и триумфом которого в Европе он застал, исходил вовсе не из разума. Фашизм — это иррациональная стихия, эклекти-

ческое учение, учение Гербигера о мировом льде, о титанах, это мистические и магические ритуалы. Замятин увидел лицо главной чумы XX века и понял, что, пожалуй, мир Благодетеля на этом фоне еще очень и очень «ничего себе», ведь фашизм и был по-настоящему триумфом дикости, апофеозом невежества. Когда Замятин увидел сожжение книг, кажется, понял, что, точно почувствовав запах эпохи, он не различил причин этого запаха. Он молчал от разочарования.

У очень многих русских писателей вторая дата — 1937 год, но не всем им повезло умереть своей смертью. Замятину повезло умереть от инфаркта в 1937 году, вдобавок он страдал от астмы. Он не увидел самого главного — как XX век рухнул в бездну из-за «диких» людей. Тем не менее он, хотя и не успел напечатать свой роман в России, успел увидеть дичайшую проработку 1928 года, когда его и Пильняка люто травили за книги, напечатанные за рубежом. Замятина — за то, что он там напечатал «Мы», правда, в переводе, а Пильняка — за «Красное дерево», из которого он потом сделал роман «Волга впадает в Каспийское море». Криминал был не в романе, а в том, что он был напечатан за рубежом. Это всех возмутило, Маяковский их сильно травил. Но вот что интересно: про Пильняка он говорил много гадостей, а про Замятина — ни одной, видимо, он как-то почувствовал, что многим обязан ему как художник. А может быть, просто в Замятине было что-то, что заставляло его уважать.

Это же заставляет нас уважать и эту книгу, безусловно, великую, неумелую, спорную. Книгу, которая верно почувствовала, что главной интенсией XX века будет исчезновение личности. Замятин об этом предупредил, а сделать с этим ничего не смог.

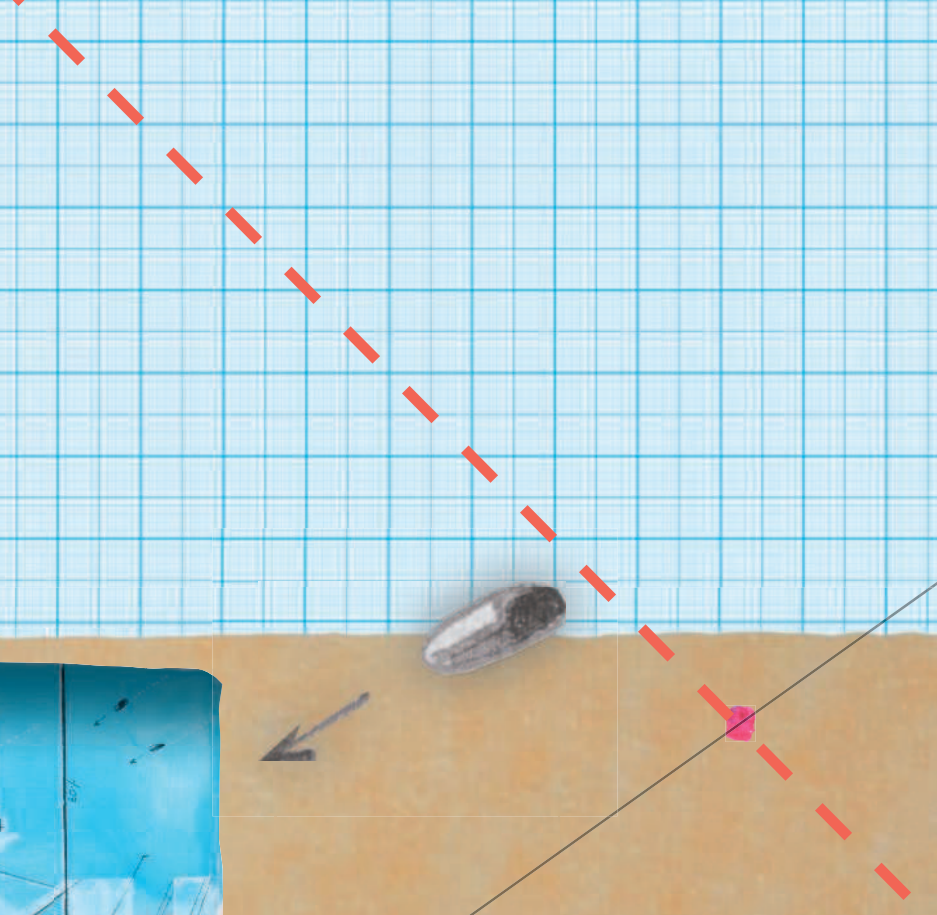
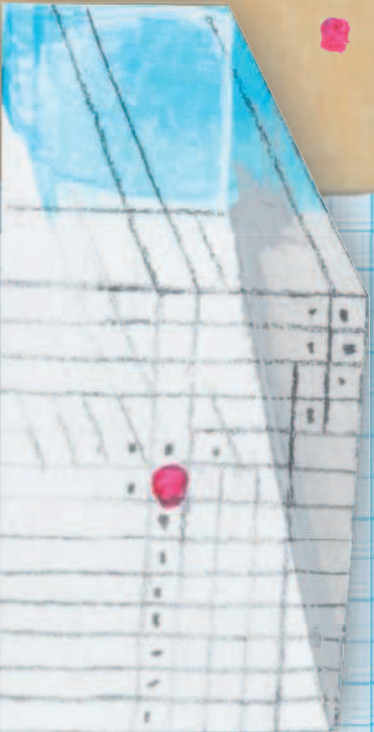
С чем же связано эволюционное разделение?

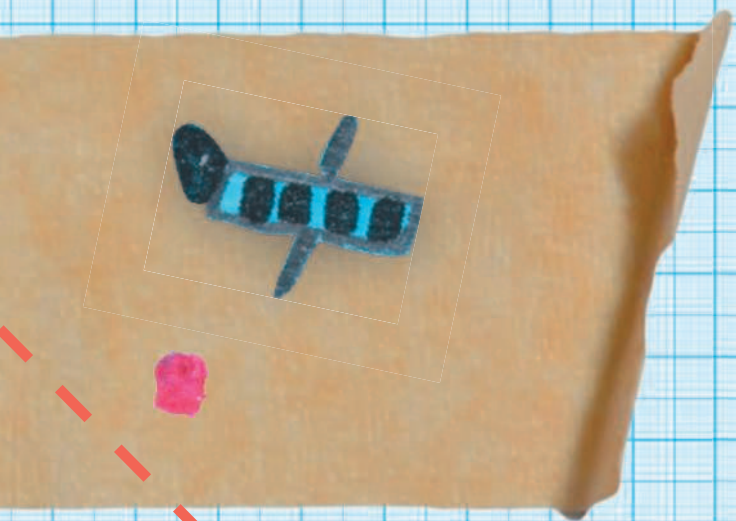
Всякий раз, когда я говорю об этом разделении, я иногда натываюсь на восторг, иногда — на неприятие. Равнодушным оно никого не оставляет. Видимо потому, что это самая тонкая, глубокая интуиция, которая вообще может посетить человека. Мы появляемся из белых шаров, а белые шары появляются из нас. Понимаете, в чем ужас? Любая структура, любое существо на известном эволюционном этапе — это может касаться компьютеров, людей, растений — переживает какое-то дуальное разделение. Я не знаю, почему так происходит, Бог так устроил, но в известный период жизни все делится на Apple и Microsoft. Объяснить это я не могу.

Мне не очень понятно, по какому критерию произошло это разделение. Это не разделение на умных и глупых, на диких и цивилизованных, как предсказывал Замятин, на элоев и морлоков, как предсказывал Уэллс. Там одни утонченные и бессильные, другие сильные и грубые. Даже Ланг с его «Метрополисом», где одни живут наверху, а другие работают внизу, тоже не угадал. Я рискну предположить очень осторожно, что это разделение идет по трудно объяснимому критерию. Одни люди более эффективны, когда они работают в массе, а другие — когда в одиночку. То есть это люди массы и одиночки. Поэтому и разделение пойдет на массу, такой «человейник», и на одиночек, которые могут работать вне его, условно говоря, на мир Благодетеля и на мир диких людей, которые живут в диких лесах поодиночке, которые не объединяются ни во что. Кто будет эффективнее, я не знаю. Мое предчувствие — эффективнее будут одиночки. Поэтому сегодня социальный аутизм — болезнь, широко распространившаяся. Это люди, которые жалуются на то, что они не хотят общаться, что им никто не нужен. А другие все время общаются, чатятся, пишут что-то в этих гаджетах, все время вливаются в социальную сеть. Мир разделится на тех, кто онлайн, и тех, кто оффлайн. Победят те, кто оффлайн, так мне видится.

Дмитрий Быков

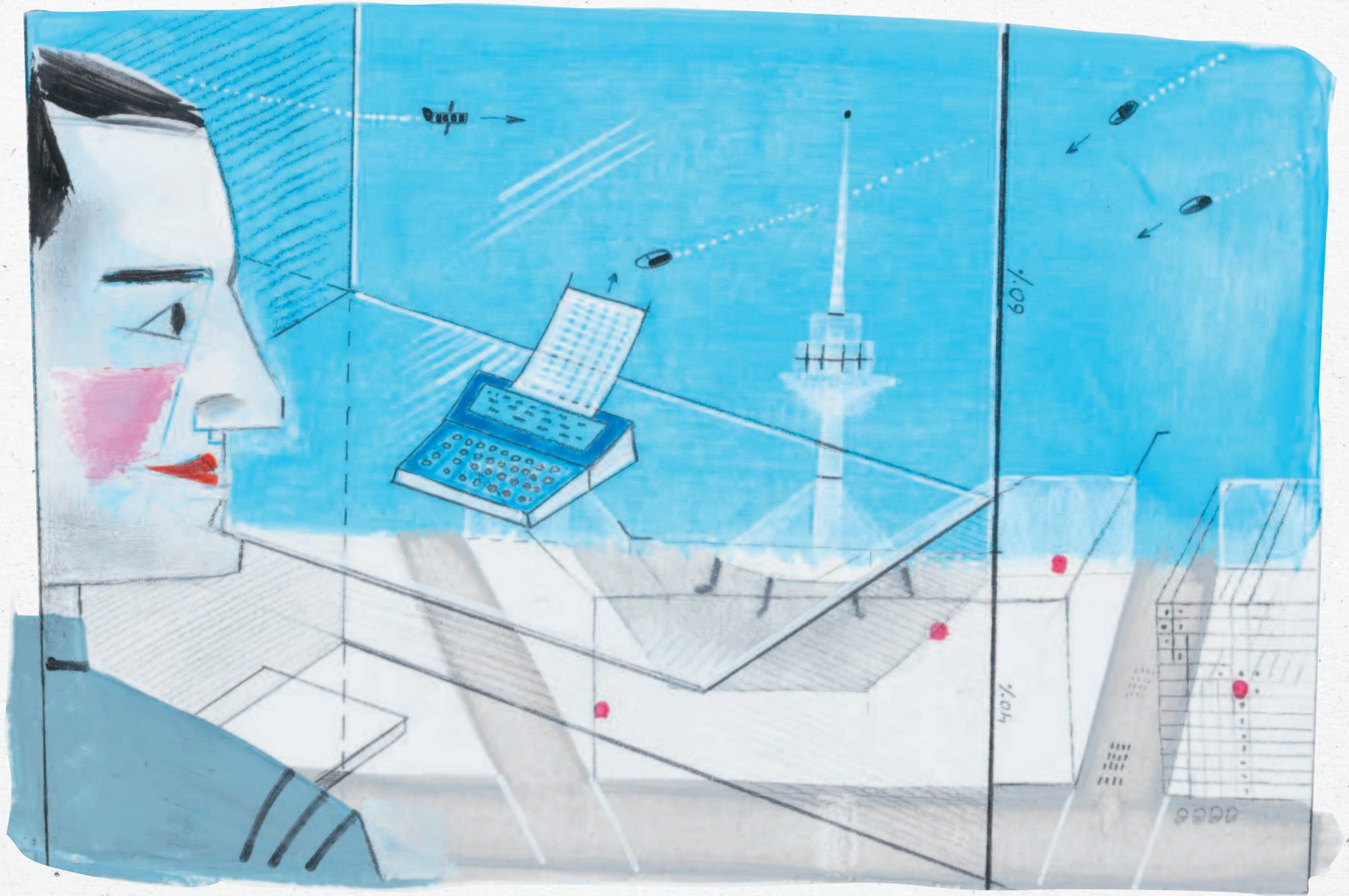

1

Запись

я

Конспект:
Объявление. Мудрейшая из линий. Поэма

Запись 1-я

Я просто списываю — слово в слово — то, что сегодня напечатано в Государственной Газете:

«Через 120 дней заканчивается постройка ИНТЕГРАЛА. Близок великий, исторический час, когда первый ИНТЕГРАЛ взвоет в мировое пространство. Тысячу лет тому назад ваши героические предки покорили власти Единого Государства, весь земной шар. Вам предстоит еще более славный подвиг: стеклянным, электрическим, огнедышащим ИНТЕГРАЛОМ проинтегрировать бесконечное уравнение Вселенной. Вам предстоит благодетельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах — быть может, еще в диком состоянии свободы. Если они не поймут, что мы несем им математически безошибочное счастье, наш долг заставить их быть счастливыми. Но прежде оружия мы испытаем слово.

От имени Благодетеля объявляется всем номерам Единого Государства:

Всякий, кто чувствует себя в силах, обязан составлять трактаты, поэмы, манифесты, оды или иные сочинения о красоте и величии Единого Государства.

Это будет первый груз, который понесет ИНТЕГРАЛ.

Да здравствует Единое Государство, да здравствуют номера, да здравствует Благодетель!»

Я пишу это и чувствую: у меня горят щеки. Да: проинтегрировать грандиозное вселенское уравнение. Да: разогнать дикую кривую, выпрямить ее по касательной — асимптоте — по прямой. Потому что линия Единого Государства — это прямая. Великая, божественная, точная, мудрая прямая — мудрейшая из линий...

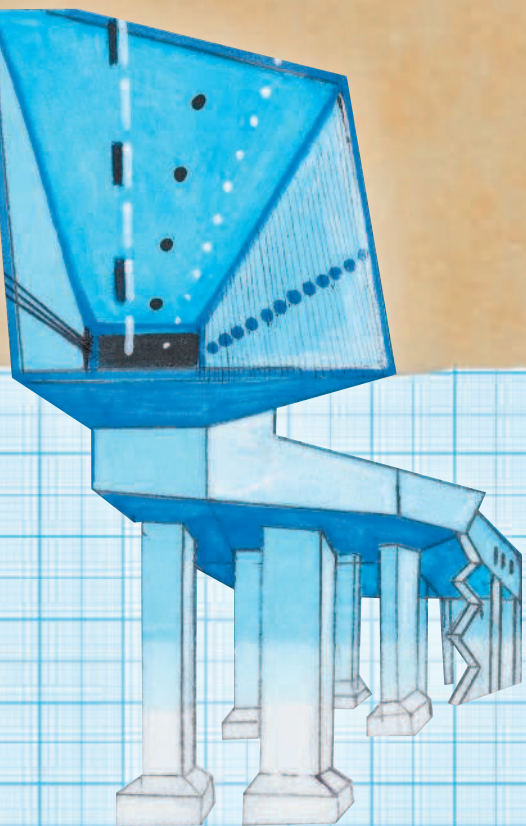
Я, Д 503, строитель «Интеграла», — я только один из математиков Единого Государства. Мое привычное к цифрам перо не в силах создать музыки ассонансов и рифм. Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю — точнее, что мы думаем (именно так: мы, и пусть это «МЫ» будет заглавием моих записей). Но ведь это будет производная от нашей

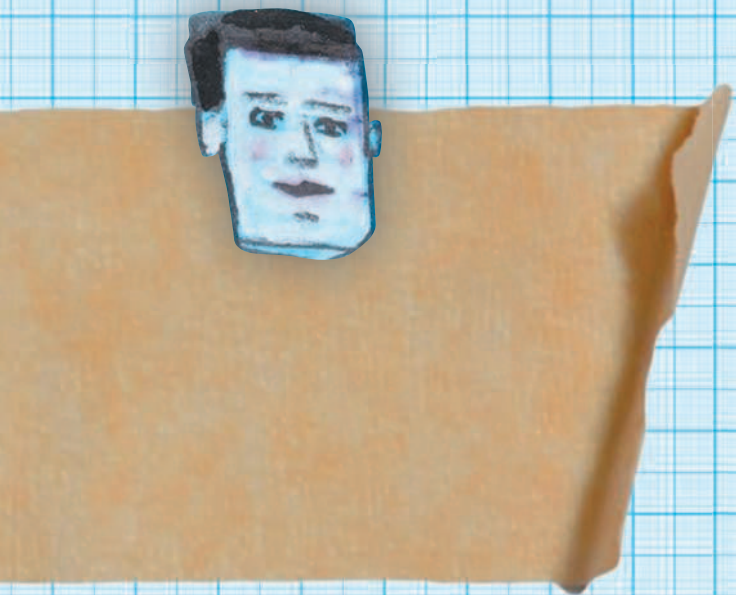
жизни, от математически совершенной жизни Единого Государства, а если так, то разве это не будет само по себе, помимо моей воли, поэмой? Будет — верю и знаю.

Я пишу это и чувствую: у меня горят щеки. Вероятно, это похоже на то, что испытывает женщина, когда впервые услышит в себе пульс нового, еще крошечного, слепого человечка. Это я и одновременно не я. И долгие месяцы надо будет питать его своим соком, своей кровью, а потом — с болью оторвать его от себя и положить к ногам Единого Государства.

Но я готов, так же как каждый, или почти каждый, из нас. **Я готов.**

2

Запись

я

